

П.П. Гасымов

*Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Arxeologiya və Etnografiya İnstitutu
pr. H. Cavid, 115, Bakı, AZ1143, Azərbaycan
E-mail: parviz.pashaoglu@gmail.com*

Проблема культурной идентификации подкурганных склепов раннего бронзового века на территории Азербайджанской Республики

Статья посвящена вопросу о культурной принадлежности специфического курганного типа погребений, относящихся к раннему бронзовому веку, в Северо-Западном Азербайджане, вдоль восточных предгорий Малого Кавказа. Они вошли в научный оборот под названием «подкурганные склепы» или «курганы с камерами коллективного погребения». Существует мнение, что данная традиция относится к протокуро-араксской культуре. Для верификации этого предположения был проведен анализ керамики из подкурганных склепов Шадылы, Узун-Рама и Ментеш-Тепе, радиоуглеродные даты которых известны. Он показал, что эта керамика не содержит растительной примеси, изготовлена вручную и является грубой имитацией форм урукской традиции. Она генетически не связана с красно-черной полированной куро-араксской керамикой ручной работы. Кроме того, в развитой куро-араксской культуре и ее локальных вариантах не наблюдается продолжение традиции коллективных захоронений в подкурганном склепе и его сжигания в конце функционирования. Дискуссионными остаются вопросы, связанные с корнями данной традиции. Можно только заключить, что она появилась в XXXIV в. до н.э. и исчезла на рубеже XXXI–XXX вв. до н.э., когда на Южном Кавказе получила распространение куро-араксская культура.

Ключевые слова: подкурганные склепы, коллективное погребение, куро-араксская культура, ранний бронзовый век, Южный Кавказ, лейлатепинская культура, культура ямочно-гребенчатой керамики.

P.P. Gasymov

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
H. Javid Ave. 115, Baku, AZ 1143, Azerbaijan
E-mail: parviz.pashaoglu@gmail.com*

Cultural Attribution of Early Bronze Age Tombs Under Kurgans in Azerbaijan

This study focuses on the cultural attribution of a distinct category of Early Bronze Age burials in the eastern piedmont of the Lesser Caucasus, northwestern Azerbaijan, known as "tombs under kurgans" or "kurgans with collective burials in tombs". There was an opinion that such burials belong to the early period of the Kura-Araxes (or proto-Kura-Araxes) culture. To test this idea, we analyzed ceramics from tombs under kurgans at Shadyly, Uzun-Rama, and Mentesh-Tepe, all of which have radiocarbon dates. Results suggest that the vessels are hand-made, their paste contains no organic temper, and they are a coarse imitation of the Uruk ceramics. This tradition is unrelated to the Kura-Araxes culture, marked by a handmade red-and-black burnished pottery. Also, at the highly developed stage of the Kura-Araxes in any of its local versions, collective burials in tombs were not practiced. Thus, before the emergence of the Kuro-Araxes culture in the Southern Caucasus, there was a population practicing the tradition of kurgans with collective burials in tombs. The origin of this tradition is a contentious matter. What we know only is that it emerged in the 34th century BC and disappeared around the 31st–30th centuries BC, following the Kura-Araxes expansion in the Southern Caucasus.

Keywords: Tombs under kurgans, collective burial, Kura-Araxes culture, Early Bronze Age, Southern Caucasus, Leyla-Tepe culture, Pit-Comb Ware culture.

Введение

На северо-западе Азербайджана, вдоль восточных предгорий Малого Кавказа, была отмечена особая группа курганов раннего бронзового века (рис. 1): Дашлытепе (Габалинский р-н), Дашлытепе (Шамкирский р-н), Борсуңлу (Тертерский р-н), Дашуз (Шекинский р-н), Османбозу (Шамкирский р-н), Ментеш-Тепе (Товузский р-н), Узун-Рама и Шадылы (Геранбойский р-н), Гянджа, Гейгёль, Ханкенди (возле соответствующих одноименных городов). Их объединяет наличие прямоугольных или круглых в плане камер с коллективными захоронениями. Погребения этого типа были введены в научный оборот под названием «подкурганые склепы» и отнесены к периоду ранней стадии куро-араксской культуры. Их классификация по различным аспектам выполнена Т. Ахундовым [1999].

В течение довольно длительного времени предполагалось, что подкурганые склепы существовали в период перехода от раннего к среднему бронзовому веку. Среди курганов данного типа, исследованных в начале второго десятилетия XXI в., только три (Шадылы, Узун-Рама и Ментеш-Тепе) имеют радиоуглеродные даты. Их датирование опровергло имеющееся мнение о возрасте рассматриваемых памятников. Более того, общие черты курганов этого типа, относящихся ко второй половине IV тыс. до н.э., т.е. к началу раннего бронзового века, не характерны для куро-араксской культуры. Информация о кургане Узун-Рама представлена в статье Б. Джалилова [Jalilov, 2018], о Ментеш-Тепе – в публикации Б. Лионне [Lyonnet, 2014] и коллективных работах азербайджанских и французских исследователей [Lyonnet, Guliyev, Vouquet et al., 2011; Lyonnet, Guliyev, Helwing et al., 2012; Lyonnet, Pecqueur, Guliyev, 2013; Lyonnet, Guliyev, Baudouin et al., 2017].

Существует мнение, что подкурганые склепы относятся к ранней стадии куро-араксской культуры (или к протокуро-араксской) [Poulmarc'h, Pecqueur, Jalilov, 2014, p. 231, 239]. Анализ материалов этих памятников дает основания говорить об отсутствии единства в погребальном обряде и керамическом комплексе куро-араксцев и населения, создавшего подкурганые склепы. Последнее исчезло по неизвестным причинам во время перемещения носителей куро-араксской культуры на Южный Кавказ. Сходство их традиций связано с общими культурными корнями (урукская традиция).

Проблемы культурной идентификации

Прежде чем начать эту тему, отметим проблему хронологии кургана Ментеш-Тепе, обнаруженного на территории одноименного неолитического поселения. Б. Лионне, одна из руководителей азербайджано-

Рис. 1. Расположение курганов с коллективными погребениями в камерах-склепах.

1 – Дашлытепе (Шамкирский р-н); 2 – Гянджа; 3 – Гейгёль; 4 – Дашуз; 5 – Дашлытепе (Габалинский р-н); 6 – Османбозу; 7 – Ханкенди; 8 – Борсуңлу; 9 – Шадылы; 10 – Узун-Рама; 11 – Ментеш-Тепе.

французской археологической экспедиции, по материалам памятника выделила четыре периода, последний из которых длился со второй половины IV тыс. до н.э. до середины III тыс. до н.э. [Lyonnet, Guliyev, Helwing et al., 2012, s. 87]. На основании ^{14}C -дат были определены три интервала: 3500–2900 гг. до н.э. (фаза 1), к которому относится курган с коллективным захоронением в склепе, 2800–2450 гг. до н.э. (фазы 2 и 3) и 2536–2300 гг. до н.э. (фаза 3) [Lyonnet, 2014, p. 118–119, 121, 125, 127].

Мы уже отмечали хронологический парадокс, связанный с радиоуглеродными датами подкурганного склепа Ментеш-Тепе. Аналогичные курганы Узун-Рама и Шадылы функционировали в XXXIV/XXXIII–XXXII вв. до н.э. [Poulmarc'h, Pecqueur, Jalilov, 2014, p. 242], т.е. не более 200 лет. Это дает основание усомниться в датировке подкурганного склепа Ментеш-Тепе 3500–2900 гг. до н.э. (XXXVI–XXX вв. до н.э.) или второй половиной IV тыс. до н.э. [Lyonnet, Guliyev, Helwing et al., 2012, s. 92–93; Lyonnet, 2014, p. 119; Lyonnet, Guliyev, Baudouin et al., 2017, p. 137–139; Poulmarc'h, Pecqueur, Jalilov, 2014, p. 240–242]. Трудно представить, что курган мог функционировать 600 лет, тем более, что в нем похоронено только 39 чел. [Lyonnet, Pecqueur, Guliyev, 2013, s. 103]. Мы столкнулись с проблемой отбора образцов для радиоуглеродного анализа [Qasimov, 2019, s. 34–36]. В кратком отчете, опубликованном в 2015 г., курган Ментеш-Тепе отнесен к 3100–2900 гг. до н.э. и период функционирования склепа определен в 150–200 лет [Guliyev, Lyonnet, 2015, s. 363], что более реалистично.

Как мы отмечали выше, подкурганые склепы Ментеш-Тепе, Шадылы и Узун-Рама датируются периодом, соответствующим ранней стадии куро-аракс-

ской культуры. М. Пулмарх определила подобные памятники как «особую группу курганов» и отнесла их к данной культуре [Poulmarc'h, Pesequeur, Jalilov, 2014, p. 239]. Но так ли это?

Б. Лионне особо отметила, что керамика, найденная в Ментеш-Тепе на уровне фаз 2, 3, аналогична обнаруженной в курганах Узун-Рама и Борсунлу, подкурганном склепе в Габалинском р-не, а также на поселении Гаракепектепе в Физулинском р-не и на памятниках ранней куро-араксской культуры в Грузии. Анализ керамических материалов из подкурганного склепа Ментеш-Тепе показал, что сосуды были сделаны не на гончарном круге. Основная часть керамики изготовлена из низкокачественной глины, которая не очень хорошо вымешивалась, а ее цвет был красноватым, сероватым с коричневым оттенком. Чистой черной керамики пока не обнаружено. Отпечатков ткани на фрагментах не зафиксировано. Большинство сосудов имели горшковидную форму, ручки располагались между ободком и верхней частью плеча [Lyonnet, 2014, p. 118–119, 120, fig. 4].

На первый взгляд в склепах Ментеш-Тепе, Шадылы и Узун-Рама представлена керамика одного и того же типа. Аналогичные керамические изделия зарегистрированы в других регионах Южного Кавказа и Анатолии. Существует серьезное расхождение во взглядах Б. Лионне и Б. Джалилова на проблему культурной идентификации подкурганых склепов. Керамические изделия, обнаруженные в курганах Шадылы (в 2011 г.) и Узун-Рама (в 2012 г.) Гейгёль-Геранбойской археологической экспедицией, аналогичны материалам кургана Ментеш-Тепе. Б. Джалилов отметил, что они отличаются от классических горшков куро-араксской культуры. Эта разница особенно четко прослеживается в форме ручек. У сосудов из подкурганых склепов они простые, с овальным поперечным сечением. Нет ручек в форме полусферы, напоминающих «бычий нос», и с выпуклыми украшениями, как у классических куро-аракских горшков. У последних переход от туловища к горловине явно разделяется, а у сосудов из склепов нет. Также отмечены специфические формы туловища [Jalilov, 2012, s. 151; 2013, s. 132, ill. 6; 2018, fig. 9–11; Lyonnet, 2014, p. 120, fig. 4]. Сравнительный анализ образцов материальной культуры из рассматриваемых курганов и куро-аракских памятников показал, что они имеют разные характерные черты. По мнению Б. Джалилова, основанному на историко-аналитических исследованиях, материалы подкурганых склепов относятся к тому же периоду, что и куро-аракские, но тем не менее это другая культура [Jalilov, 2012, s. 146–152; 2013, s. 128–134]. Следует отметить, что сначала он датировал данные памятники, согласно классификации Т.И. Ахундова [1999, с. 46, 84–87], переходным периодом от раннего к среднему бронзовому веку. Но после

того как стали известны ¹⁴C-даты курганов Шадылы и Узун-Рама, Б. Джалилов признал, что они относятся к начальному этапу эпохи ранней бронзы [Poulmarc'h, Pesequeur, Jalilov, 2014, p. 242].

По мнению Б. Лионне, керамика из подкурганного склепа Ментеш-Тепе обнаруживает аналогии в керамическом комплексе фазы VIA Арслантепе [Lyonnet, 2014, p. 118–119]. Последний, согласно исследованиям Дж. Палумби, подразделяется на две группы: посуду, изготовленную на гончарном круге в соответствии с урукскими традициями, и изделия ручной работы, полированные, красно-черного цвета. При этом Дж. Палумби особо подчеркивает, что керамика первой группы не была простой имитацией сирийско-месопотамской того же периода, в ней прослеживается смешение урукской и местной гончарных традиций. Вторая группа постепенно увеличивается к фазе VII Арслантепе. Дж. Палумби связывает корни этой керамики с традициями Центральной и Северо-Восточной Анатолии [Palumbi, 2008, p. 79, 81].

Существует большая разница между керамическими материалами из подкурганых склепов раннего бронзового века и фазы VIA Арслантепе как по составу формовочных масс, так и по форме изделий. Различие по последнему критерию очевидно при сравнении образцов из Арслантепе [Ibid., p. 82–87, fig. 3, 15, 20] и курганов Ментеш-Тепе [Lyonnet, 2014, p. 120, fig. 4], Шадылы и Узун-Рама. Здесь единственным исключением является подкурганый склеп Дашлытепе (Шамкирский р-н), где у четырех керамических сосудов из 11 ручки имеют форму полусферы и похожи на «нахчыванские» («бычий нос»), характерные для классических горшков куро-араксской культуры [Ахундов, 1999, с. 15–16, табл. XI, 1, 2, 4, 5]. Однако следует отметить, что это единственный подкурганый склеп, в котором зарегистрированы образцы, аналогичные куро-араксской керамике.

Можно сделать вывод, что в период формирования куро-араксской культуры на Южном Кавказе существовала совершенно иная общность, характеризующаяся традицией коллективных захоронений в подкурганых склепах. И если эта общность трансформировалась в один из компонентов куро-араксской культуры, то подкурганые склепы должны были сооружаться на Южном и Северном Кавказе, в Анатолии или Леванте после 3000–2900 гг. до н.э. Тем не менее они не отмечены в ареале развитой куро-араксской культуры.

Таким образом, керамика из Ментеш-Тепе сходна с таковой из курганов Шадылы и Узун-Рама, ¹⁴C-даты которых известны. Аналогичные керамические материалы обнаружены и в других исследованных подкурганых склепах, например, в кург. 103 Ханкенди [Гуммель, 1939, с. 87–88, табл. VI, 18].

Отметим один интересный момент. По словам Б. Лионне, на керамике из кургана Ментеш-Тепе не за-

фиксированы текстильные отпечатки (на внутренней или внешней поверхности?) [Lyonnet, 2014, p. 118–121]. Однако на некоторых образцах из кургана Узун-Рама они прослеживаются на внутренней стороне или в изломе фрагментов стенок. По словам Б. Джалилова, здесь наблюдается продолжение керамических традиций халколита: «...образцы формовались в формах, изготовленных с использованием тканевых мешков. В этом случае в состав глиняной смеси были добавлены относительно крупные частицы песка и мелкие камни. Затем и внутренняя, и внешняя поверхность готовых сосудов заглаживалась и полировалась. Тем не менее на некоторых участках оттки ткани четко прослеживаются у основания горшка, особенно в труднодоступных местах» [Jalilov, 2018, p. 99]. Следует отметить, что текстильные отпечатки на внутренней поверхности керамики из кургана Узун-Рама были обнаружены после первой публикации о памятнике [Jalilov, 2013, s. 132–133]. Исходя из этого, было бы интересно еще раз исследовать материалы курганов Шадылы и Ментеш-Тепе на наличие таких отпечатков на внутренней стороне горшков. Керамика, изготовленная с использованием тканевых мешков («мешочная керамика»), отмечена на поселениях халколита и раннего бронзового века на Южном Кавказе и в Дагестане [Гаджиев, 1983, с. 6–15; 1991, с. 23, 140–143]. Я. Гуммель описал тип плетения ткани (на рус. яз. «гроденапль», на англ. яз. «plain/tabby/linen/taffeta weave») по отткам на внутренней поверхности некоторых горшков из склепов кург. 103 и 119 Ханкенди [1939, с. 87–88, табл. VI, 18; 1948, с. 19].

Технология изготовления керамики с использованием тканевых мешков в сочетании с традицией коллективных захоронений в подкурганых склепах дает основание поддержать мнение Б. Джалилова о том, что мы имеем дело с совершенно новой археологической культурой [Jalilov, 2012, s. 146–152; 2013, s. 128–134].

Проблемы генезиса

Подкурганые склепы были обнаружены вдоль восточной части Малого Кавказа [Lyonnet, 2014, p. 118–119]. Мы полностью согласны с мнением Б. Лионне о том, что пока невозможно подтвердить гипотезу об их локализации только в этом районе, т.к. территория Азербайджанской Республики, расположенная вблизи Каспийского моря, еще недостаточно исследована, там не проводился целенаправленный поиск памятников данного типа [Ibid., p. 128]. Трудно определить истоки традиции коллективных захоронений в подкурганых склепах. Долгое время предполагалось, что она существовала в период перехода от раннего к среднему бронзовому веку. Радиоуглеродные даты трех подкурганых склепов (Шадылы, Узун-Рама и Ментеш-Тепе) опровергли эту версию. Мы боль-

ше не можем говорить о привнесении данной традиции племенами с севера, как предполагалось ранее [Ахундов, 1999, с. 77–87], а также связывать ее генезис с майкопской или новотиторской культурами [Гей, 2000, с. 197–198; 2009, с. 16], в которых отсутствовал похожий погребальный обряд.

Традиция коллективных захоронений в камерах с дромосом, ритуал сожжения в конце их использования, а также большинство форм керамики в основном локализованы в западной части Азербайджана. По мнению Б. Лионне, это может указывать на то, что они привнесены с запада, т.е. с территории Грузии [Lyonnet, 2014, p. 128]. Однако там аналогичные рассматриваемым подкурганые склепы, относящиеся к первой половине IV тыс. до н.э., не найдены (может быть, пока?). Подобные формы массовых захоронений в погребальных камерах на территории Грузии (курганы Алазанской долины, Кикети, Кода, Бедени, Самгори) датируются поздними этапами раннего бронзового века [Jalilov, 2018, p. 95].

Могли ли носители лейлатепинской культуры принять участие в генезисе традиции подкурганых склепов? Как известно, с этой культурой связано возникновение курганного погребального обряда в позднем халколите [Museibli, 2014, p. 65–72]. Курганы Южного Кавказа древнее североевразийских [Kohl, Trifonov, 2014, p. 1577]. Поздние ¹⁴C-даты лейлатепинских курганов относятся к середине IV тыс. до н.э. [Музейбли, 2010], и они на 200 лет древнее дат подкурганых склепов. Б. Лионне отметила, что конструктивные элементы рассматриваемых объектов находят аналогии в жилищных сооружениях типа землянок и полуземлянок лейлатепинской культуры, использовании кирпича-сырца в погребальных камерах. Однако в подкурганых склепах раннего бронзового века не обнаружены детские захоронения в сосудах, характерные для этой культуры, а в ней не зафиксирована традиция коллективного захоронения с сожжением в конце функционирования подкурганного склепа [Lyonnet, 2014, p. 120–121].

Основную информативную базу лейлатепинской культуры составляют древние поселения, в то время как места обитания создателей подкурганых склепов не обнаружены. Возможно, исследователи до сих пор не смогли связать поселенческие комплексы позднего халколита и раннего бронзового века с этими памятниками. И есть некоторые различия между керамическими материалами позднего халколита [Museibli, 2016, p. 284–287; Алмамедов, 2009–2010; Музейбли, 2012а, с. 21] и керамикой из подкурганых склепов.

Представляют интерес выводы Т. Ахундова и Х. Алмамедова о культурных процессах в Южном Закавказье накануне появления куро-араксской культуры. В верхних слоях неолитических поселений первой половины IV тыс. до н.э. на территории Муганской степи до равнин средней Куры встречается керамика (очень похожая

Рис. 2. Образцы керамики, сходной с ямочно-гребенчатой, из верхних слоев неолитического поселения Аликометепе в Джалилабадском р-не (хранятся в археологическом фонде Института археологии и этнографии НАНА, инв. Аликометепе-71, № 2, 8).

на ямочно-гребенчатую), неизвестная на местных поселениях предшествующего периода, а также в Юго-Западной Азии и Анатолии (рис. 2)*. По словам Т. Ахундова и Х. Алмамедова, во второй четверти IV тыс. до н.э. носители урукской традиции, расширявшие свой ареал, достигли Южного Кавказа. Они способствовали генезису лейлатепинской культуры, которая впоследствии распространилась до Северокавказского региона, где оказала влияние на формирование различных местных культур, а позднее майкопской. «Урукская экспансия» была прервана появлением в районах, прилегающих к Южному Кавказу, куро-араксских племен, отрезавших коммуникационные пути и приостановивших переход от неолита к эпохе бронзы. Носители майкопской культуры продвигались на юг, прежде всего на Южный Кавказ. Это продвижение было прервано в начале III тыс. до н.э., когда куро-араксские племена, расселившись на Южном Кавказе, перекрыли проходы на север [Akhundov, Almamedov, 2009, p. 33–34].

Некоторые керамические сосуды из подкурганых склепов по форме похожи на урукские или даже убейдские. Например, образцы из курганов Шадьлы [Jalilov, 2012, p. 151] и Узун-Рама [Jalilov, 2018, p. 102,

fig. 11] имеют параллели с керамикой северо-западного ареала урукской традиции (район Мескине, Северная Месопотамия, Западная Сирия, бассейн верхнего Ефрата) из коллекции М.Г. Трентин [Trentin, 1991, vol. II, p. 22, tabl. XVIa, 1–4; p. 26, tabl. XXIa, 1, 1–5; p. 77, tabl. Ib, 4, a–c; p. 86, tabl. VIIb, 1, 4; p. 100, tabl. XXIIb, 1, 2; p. 141, tabl. LXIIIb, 4; p. 149, tabl. Ic; p. 151, tabl. IIIc, 13–15; p. 171, tabl. XXIIc, 3; p. 276, tabl. LXXIIId, 1, 5, 9, 10]; два экземпляра из подкурганного склепа Ментеш-Тепе [Lyonnet, 2014, p. 120, fig. 4, 1, 2] – с керамикой урукского периода из Северной Месопотамии и Западной Сирии [Trentin, 1991, vol. II, p. 77, tabl. Ib, 4, a–c; p. 149, tabl. Ic, 2, 6; p. 207, tabl. Id, 6, 6a]. Но керамические изделия из подкурганых склепов сделаны не на гончарном круге, в их тесте нет растительной примеси, они не были искусно и пестро декорированы. Похоже, что эти образцы были грубыми имитациями (реминисценциями) некоторых форм керамики убейд-урукского круга.

Керамические сосуды из подкурганых склепов изготовлены в формах с использованием тканевых мешков, большинство из них имеют одну или две горизонтальные ленточные ручки по бокам, а у некоторых ручки соединяют плечо и венчик или шейку [Jalilov, 2018, p. 99]. Как интерпретировать эту керамику? Как «протокуро-араксскую» традицию или «докуро-араксскую», существовавшую накануне продвижения куро-араксцев в Восточное Закавказье?

Азербайджано-французской археологической экспедицией в Ментеш-Тепе обнаружено коллективное захоронение, относящееся к позднему неолиту. Это может быть оценено как важное открытие не только для Южного Кавказа, но и для всего Ближнего Востока. Следует подчеркнуть: не было зафиксировано каких-либо «переходных склепов» в пространстве и времени, позволяющих предположить, что традиция коллективных захоронений в подкурганых склепах раннего бронзового века коренится в неолите. Более 2 300 лет (!) разделяет подкурганые склепы и неолитическое коллективное захоронение, которое датировано 5700 г. до н.э. [Pescqueur et al., 2017, p. 163–164].

Однако отметим, что некоторые признаки сближают подкурганые склепы с коллективными погребениями (толосами) периода Намазга III [Bonoga, Vidale, 2013, p. 143] в Туркменистане, датированными 3200–2800 гг. до н.э., например, использование сырцовых кирпичей, наличие дромосов, обычай сдвигать кости раннее погребенных к стенам при захоронении новых тел и т.д. [Алексин, 1986, с. 22–24]. Тем не менее это памятники разных культур; на разделяющей их территории никакие «переходные склепы» не зафиксированы. В настоящее время можно предположить, что мы столкнулись с похожими традициями, которые возникли примерно в один и тот же период в разных регионах, т.е. с конвергенцией [Qasimov, 2019, s. 40].

*Выражаю благодарность Т. Ахундову за предоставленные фотографии этих фрагментов керамики.

Дискуссия

Стоит затронуть еще один вопрос: является ли обычной сжигания склепа в конце его функционирования репрезентативным для всех подкурганных склепов? Например, склепы в кург. 7 Борсулинского могильника [Ахундов, 1999, с. 20–21], кург. 103 [Там же, с. 22–23; Гуммель, 1939, с. 82–88] и 119 [Ахундов, 1999, с. 24–25; Гуммель, 1948, с. 15–19] в Ханкенди не были сожжены и положение костяков не нарушено. Но в информации Я. Гуммеля о двух последних курганах отмечены некоторые несоответствия, связанные с подкурганными склепами [Jařarov, 2000, s. 31, 34]. В общем, проблема корреляции хронологии и культурной атрибуции курганов Шадьлы, Узун-Рама и Ментеш-Тепе (¹⁴С-даты которых известны) с другими подкурганными склепами, обнаруженными в XX в., все еще ждет своего исследования.

Влияние убейд-урукской традиции на Южном Кавказе несомненно [Мусеибли, 2012б]. Как мы показали выше, Дж. Палумби также отметил урукский компонент в протокуро-араксской керамике. Убейд-урукские традиции (керамика, строительство и т.д.) в разной мере представлены в лейлатепинской, майкопской и куро-араксской культурах. Не могли ли они быть одной из составляющих культуры населения, оставившего подкурганные склепы? Можно ли рассматривать это население как «протокуро-араксское» или «куро-араксское» только на основании общих для всего региона традиций (убейд-урукских)? В таком случае лейлатепинскую и майкопскую культуры тоже нужно интерпретировать как «протокуро-араксские» (!). То есть мы должны «стирать» границы между археологическими культурами?! Мы предполагаем, что древнее общество, оставившее подкурганные склепы, существовало накануне движения куро-араксских племен в Восточное Закавказье. Оно испытало влияние урукской культуры, но сохранило самобытность в погребальной и керамической традициях.

Есть еще одна общая исследовательская проблема – соответствие названия типа археологических объектов, подобных склепам с коллективными захоронениями под искусственным холмом (в нашей работе это «подкурганные склепы»), термину «курганный тип погребальных памятников». По данным археологии и этнографии, кочевые и полукочевые народы не хоронили так много своих умерших соплеменников в склепе под рукотворным холмом, и использовался он короткое время, по сравнению с коллективными погребальными склепами раннего бронзового века в восточных предгорьях Малого Кавказа. Возможно, мы имеем дело с погребением сгоревшего склепа (склепа-землянки или склепа-полуземлянки), а не с курганным типом погребальных памятников. Вообще существует проблема обозначения археологических объектов этого типа. Есть необходимость

в экстенциональном и интенциональном определении таких терминов, как «погребальный холм», «курган», «тумулус», «подкурганый склеп» и т.д.

Заключение

Таким образом, имеющаяся информация пока не дает достаточное представление о культурной и социальной жизни населения, оставившего погребальные склепы с коллективными захоронениями. Можно сказать следующее. Традиция коллективных захоронений в подкурганых склепах появилась в XXXIV в. до н.э. (середина третьей четверти IV тыс.) и исчезла на рубеже XXXI–XXX вв. до н.э. (в конце IV – начале III тыс.). Носители этой традиции обитали вдоль восточных предгорий Малого Кавказа. Они были мобильными скотоводами, не имевшими долговременных поселений. Единственное, что связывает данную популяцию с параллельно существовавшими носителями ранней куро-араксской культуры, – урукские традиции. Не зафиксированы археологические памятники, свидетельствующие о миграции создателей подкурганых склепов в вышеуказанную область из других районов Южного Кавказа либо из более отдаленных соседних регионов. Данная традиция прекратила свое существование в 3000–2900 гг. до н.э., когда на эту территорию пришли куро-араксские племена. Характерные для нее специфическая керамика и коллективные погребения в подкурганых склепах-камерах не наблюдаются в развитой куро-араксской культуре (даже после 3000–2900 гг. до н.э.) и ее локальных вариантах. Исчезновение традиции может быть связано с депопуляцией вследствие голода, инфекционных заболеваний и т.п., или синтезом культур, или ассимиляцией местного населения пришлым. Еще раз необходимо отметить, что данные выводы сделаны в рамках рабочей гипотезы. Они могут быть опровергнуты в результате новых исследований.

Список литературы

- Алексин В.А.** Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). – Л.: Наука, 1986. – 191 с.
- Алмамедов Х.И.** Крашенная и расписная керамика Азербайджана эпохи энеолита // Археология Кавказа. – Тбилиси, 2009–2010. – № 2/3. – С. 3–18.
- Ахундов Т.И.** Древнейшие курганы Южного Кавказа (культура подкурганых склепов). – Баку: Эльм, 1999. – 94 с.
- Гаджиев М.Г.** Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. – Махачкала: Дагестан. фил. АН СССР, 1983. – С. 6–43.
- Гаджиев М.Г.** Раннеземледельческая культура Северного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). – М.: Наука, 1991. – 264 с.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. – М.: Старый сад, 2000. – 224 с.

Гей А.Н. О характере, критериях и векторах миграционных процессов бронзового века Циркумпонтийской зоны // КСИА. – 2009. – Вып. 223. – С. 13–19.

Гуммель Я.И. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. // Изв. Азерб. фил. АН СССР. – 1939. – № 4. – С. 77–90.

Гуммель Я.И. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИИМК. – 1948. – Вып. 20. – С. 15–28.

Мусебли Н.А. Радиоуглеродная хронология лейлагеппинской культуры // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апр. 2010 г.): Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: тез. докл. Междунар. конф. – Магас: Археол. центр им. Е.И. Крупнова, 2010. – С. 264–265.

Мусебли Н.А. Курганный могильник позднего энеолита у с. Союгбулаг в Азербайджане // РА. – 2012а. – № 1. – С. 16–25.

Мусебли Н.А. Лейлагеппинская культура эпохи энеолита между Передней Азией и Северным Кавказом // Зап. ИИМК РАН. – 2012б. – Вып. 7. – С. 31–38.

Akhundov T., Almamedov Kh. South Caucasia in the Neolithic to Early Bronze Age (Central and Eastern Regions) // Azerbaijan – Land between East and West: Transfer of knowledge and technology during the „First Globalization“ of the VIth–IVth millennium BC: Intern. Symposium, Baku, April 1–3 2009 = Азербайджан – страна, связывающая восток и запад: Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н.э.: Междунар. симп., Баку, 1–3 апр. 2009 г. – В.: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2009. – P. 35–37 (на англ. и рус. яз.).

Bonora G.L., Vidale M. The Middle Chalcolithic in Southern Turkmenistan and the archaeological record of Ilgynly-Depe // Ancient Iran and Its Neighbours: Local Developments and Long-range Interactions in the 4th Millennium BC. – Oxford: Oxbow Books, 2013. – P. 140–165.

Guliyev F.E., Lyonnet B. Menteştepe qədim yaşayış yeri Tovuz rayonu // Azərbaycanı arxeoloji tədqiqatlar – 2013–2014. – Bakı: Xəzər Universiteti, 2015. – S. 361–364.

Jafarov H.F. Azərbaycan e.ə. IV minilliyin axiri – I minilliyin evvələrində (Gərabəghin Gərgərchay və Tərterchay hövzələrinin materialları əsasında). – Bakı: Elm, 2000. – 187 s.

Jalilov B.M. Göygöl-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının Goranboy rayonu ərazisində apardığı tədqiqatlar (Göygöl, Goranboy rayonları) // Azərbaycanı arxeoloji tədqiqatlar – 2011. – Bakı: Xəzər Universiteti, 2012. – S. 146–155.

Jalilov B.M. Goygol-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının apardığı arxeoloji tədqiqatlar (Dashkesen, Goranboy rayonları) // Azərbaycanı arxeoloji tədqiqatlar – 2012. – Bakı: Xəzər Universiteti, 2013. – S. 128–137.

Jalilov B.M. The collective burial kurgan of Uzun Rama // TÜBA-AR. – 2018. – Vol. 1, Özel Sayı. – P. 93–106.

Kohl Ph., Trifonov V. The Prehistory of the Caucasus: Internal Developments and External Interactions // The Cambridge World Prehistory: in 3 vols. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. – Vol. 3: West and Central Asia and Europe / eds. C. Renfrew, P. Bahn. – P. 1571–1595.

Lyonnet B. The Early Bronze Age in Azerbaijan in the light of recent discoveries // Paléorient. – 2014. – Vol. 40. – N 2: The

Kura-Araxes culture from the Caucasus to Iran, Anatolia and the Levant: Between unity and diversity. – P. 115–130.

Lyonnet B., Guliyev F., Baudouin E., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Samzun A., Fontugne M., Degorre E., Husson X., Raymond P. Menteş Tepe (Azerbaijan), a Preliminary Report on the 2012–2014 Excavations // The Kura Projects: New Research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus / eds. B. Helwing, T. Aliyev, B. Lyonnet, F. Guliyev, S. Hansen, G. Mirtskhulava. – B.: D. Reimer Verl., 2017. – P. 125–141. – (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 16).

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. – 2012. – Bd. 44. – S. 1–190.

Lyonnet B., Pecqueur L., Guliyev F. A kurgan of the beginning of the second half of the 3rd millennium BC at Menteş Tepe // “Azərbaycan arxeologiya və etnoqrafiya elmləri müstəqillik illərində” Beynəlxalq Elmi Konfransın materialları, Bakı, 10–14 Noyabr 2013. – Bakı: Xəzər Universiteti, 2013. – S. 103–104.

Lyonnet B., Quliyev F.E., Bouquet L., Huseynov F., Samzun A., Fontugne M., Zamanov O., Makhradze Z., Bedianashvili G., Ibrahimli N., Ismayilov Z., Mirqədirov M., Muradova E., Olivier V., Pecqueur L., Poul’marc M., Raymond P., Reynaud K. Menteştepe qədim yaşayış yerində arxeoloji tədqiqatlar (Tovuz rayonu) // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2010. – Bakı: Xəzər Universiteti, 2011. – S. 314–323.

Museibli N. The grave monuments and burial customs of Leilatepe culture. – Bakı: Nafta-Press, 2014. – 140 p.

Museibli N. Potter’s marks on Leilatepe culture pottery: Eastern Anatolian chalcolithic traditions in the Caucasus // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. – 2016. – Vol. 16, N 1. – P. 283–294.

Palumbi G. The Red and Black: Social and Cultural Interaction between the Upper Euphrates and the Southern Caucasus Communities in the Fourth and Third Millennium B.C. – Roma: Sapienza Università di Roma, 2008. – 344 p. – (Studi di Preistoria Orientale; vol. 2).

Pecqueur L., Jovenet E., Abadie I., Ringenbach C. La sépulture 342 de Menteş Tepe (Azerbaïdjan): un exemple de chaîne opératoire funéraire complexe au Néolithique: Etude préliminaire // The Kura Projects: New Research on the Later Prehistory of the Southern Caucasus / eds. B. Helwing, T. Aliyev, B. Lyonnet, F. Guliyev, S. Hansen, G. Mirtskhulava. – B.: D. Reimer Verl., 2017. – P. 163–178. – (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 16).

Poulmarc’h M., Pecqueur L., Jalilov B. An overview of Kura-Araxes funerary practices in the Southern Caucasus // Paleorient. – 2014. – Vol. 40. – N 2: The Kura-Araxes culture from the Caucasus to Iran, Anatolia and the Levant: Between unity and diversity. – P. 231–246.

Qasimov P. Menteştepe İlk Tunc dövrü kurqanı: xronoloji paradoks // Azərbaycan arxeologiyası. – 2019. – C. 22, s.1. – S. 32–52.

Trentin M.G. North-Western Uruk period pottery assemblages: PhD diss. / Univ. of London. – 1991. – Vol. I. – 411 p.; Vol. II. – 315 p.